

Культурные основания насилия

А. Я. ФЛИЕР

(МОСКОВСКИЙ ГУМАНИТАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ)

В статье рассматривается вопрос о культурных причинах массового насилия в истории и современного терроризма.

Ключевые слова: насилие, массовое насилие, идентичность, ксенофобия, терроризм.

Суждения о культуре как об источнике насилия плохо укладываются в устойчивый стереотип представлений о культуре как средстве облагораживания человека, придания ему именно человеческих свойств, отличающих его от животного. Первым вопросом о культуре как стимуле насильственных действий в принципе коснулся Ф. Ницше, затем уже совершенно конкретно о культуре как инструменте насилия над человеческой психикой заговорил З. Фрейд, потом — Ж. Батай, позднее проблему культуры как дискурса власти — насилия общества над личностью — рассмотрел М. Фуко.

Так был актуализирован вопрос о том, что выразительным отличием человека от животного является практика применения насилия по причинам, выходящим за рамки непосредственных нужд пропитания и размножения,

но в целях обеспечения торжества определенных отнюдь не витальных интересов. Такими не витальными, а социальными интересами определяется проблема приоритета коллективных интересов общества над потребностями отдельного индивида. Эту интенцию осмысленного подчинения личности обществу в свое время Ф. Энгельс определил в качестве свободы как осознанной необходимости¹, а мы нынче называем культурой. Другим значимым признаком культуры стал приоритет интересов одного сообщества над интересами другого. Иными словами, культура в полном смысле бывает «нашей», когда она отличается от какой-то «не нашей» (а порой и противопоставляется ей).

И в самом деле, культура — это не более чем программа поведения, подчиняющая индивида интересам коллектива, побуждаю-

щая его действовать в интересах коллектива (что называется «добром») и осуждающая большинство его действий в собственных интересах (что называется «злом»). И никогда наоборот. Вся история культуры — это конкретно-исторические социально-организационные формы реализации этой программы, а также символические формы ее рефлексии и пропаганды, красиво определяемые как духовность. Вся мировая философская, религиозная и художественная литература, драма, народный фольклор и т. п. посвящены назидательному воплощению этой истины. Но всегда ли эта программа поведения ведет к высоко духовным результатам?

Обзор мировой истории приводит нас к выводу, что именно культура исторически являлась наиболее значимой и универсальной причиной социального насилия. Мы воспитаны на марксистской установке, гласящей, что все в истории совершалось по причинам непосредственно или опосредованно экономически детерминированным. Так ли это? Наверное, и в арабских завоеваниях раннего Средневековья, и в христианских Крестовых походах экономические интересы тоже играли какую-то роль, но они были малозначимыми по сравнению с соображениями культурно-идеологическими. Убивали за веру, а не за золото, территории и власть. Предположим, что Америке открывали и завоевывали из экономического интереса. А ради какого материального интереса уничтожали тысячи аборигенов и выкорчевывали индейские культуры? Причины Первой мировой войны, судя по всему, были действительно в основном экономическими, но это не столь очевидно в отношении Второй мировой войны. Вторая мировая война была конфликтом трех культурных миров — коммунистического, национал-социалистического и либерально-демократического — трех моделей социальной справедливости, возникших в развитие импульса, заданного Просвещением. Можем ли мы игнорировать серьезные культурные основания этого конфликта?

А по какой причине резали гугенотов в Варфоломеевскую ночь? Зачем инквизиция сжигала на своих кострах десятки тысяч людей?

Католическая церковь была экономически заинтересована в этом? По какой причине уничтожили шесть миллионов евреев в последнюю мировую войну? Их хотели ограбить или они были политически нелояльными? Нет, мы знаем, что причиной всех этих убийств была преимущественно культурная неприязнь к жертвам расправы. То, что по отношению к палачам они были культурно чужими.

Более того, в исторической социальной практике человечества можно выделить и особый вид насилия, имеющий **исключительно** культурные причины, — это ритуальное жертвоприношение. Убийство, совершаемое ради культурных целей, в социокультурных интересах общества. При этом не нужно путать чисто религиозное жертвоприношение, которое уже к концу первобытной эпохи было в основном вытеснено «замещающими» процедурами (например, христианское причастие как символическое приобщение к «крови и плоти Господней»). Речь идет о принесении людей в жертву на основании установок разного рода социальной мифологии (или, во всяком случае, не официально господствующей религии). Об этом писал Рене Жирар (Жирар, 2000).

Наконец, приведу еще один показательный пример. По какой причине распяли Иисуса Христа? Экономической или политической, как это стало модно обосновывать после Эрнеста Ренана (Ренан, 1991) в современных интерпретациях евангельской истории? А в самих Евангелиях прямо говорится, что Иисуса приговорили к смерти по причине неприятия его религиозно-культурной программы. Спаситель был послан на смерть по культурным основаниям, как культурный «другой», социальная и идеологическая программа которого в равной мере не устраивали и местную иудейскую, и верховную римскую власти.

Надеюсь, что этих примеров достаточно для того, чтобы признать культуру не только средством облагораживания человека, но и причиной для его уничтожения. Причем очень веской причиной. Одной из самых убедительных. Быть может, ни по каким иным причинам в истории человечества не убили так

много людей, как под влиянием культурной неприязни, культурного отторжения. В этой связи следует особо отметить, что культурные основания, как правило, вели к **массовым** расправам. Чтобы ограбить, достаточно убить одного человека. Чтобы достичь культурного эффекта требовалось убивать тысячи. Культурные основания мотивируют именно массовое насилие.

Может быть, такие плохие культуры были только у некоторых народов, а у других — хорошие? Действительно, по степени жестокости можно выделить отдельные культуры, отличавшиеся особым изуверством. Например, у североамериканских индейцев было принято казнить не путем нанесения смертельной физической травмы, а посредством провоцирования сильнейшего болевого шока (Каневский, 1998). Человек должен был умереть от собственного крика. И это не страшные психопатические фантазии свихнувшихся вождей, а нормальный этнографический обычай. Впрочем, как и каннибализм. На таком фоне доктор Гильотен, которому приписывают изобретение гильотины³, выглядит потрясающим гуманистом. Ведь он предложил механизм казни, не причиняющей особенных физических мучений и убивающий моментально, вне зависимости от квалификации палача. Но, увы, при всем различии в формах проявляемой жестокости в истории не было культур, принципиально выделявшихся своим гуманизмом. Гуманистами были только отдельные люди, типа доктора Гильотена.

Кстати, а какова природа самого изуверства? По какой причине жертву нужно было не просто убить, но и замучить? Увы, по причинам культурным. Просто убийство — это вульгарно. Просто убивают ради денег. А культурно — это когда убийство является особо квалифицированным по своей сложности и мучительности. Требуется казнь не прагматическая, когда жертву просто лишают жизни, т. е. технически устраняют, а какая-то особо символическая расправа, в рамках которой чем больше мучений будет причинено человеку, тем большей значимостью будет обладать сама процедура. В этом кро-

ется особенная культура насилия. Насилие — это сакральный акт (см.: Жерар, 2000). Оно должно обладать высокой символическостью во всех своих аспектах, и нередко целью его является не смерть жертвы, а именно ее мучение.

О том, как казнили великого мыслителя-утописта Томаса Мора, даже рассказывать не хочется. Популярная народная версия, утверждающая, что мучительность казни должна утратить потенциальных преступников, не находит подтверждения в каких-либо юридических документах. Да и логически она не выдерживает критики. Кого и в связи с чем должна была утратить страшная, изуверская казнь пожилого мыслителя, политика и юриста, сохранившего верность католицизму во время реформационных событий в Англии XVI в. и стремившегося соблюдать законы о престолонаследии, грубо попиравшиеся королем-многоженцем Генрихом VIII?

Всем известны научные теории, объясняющие склонность к жестокости психическим расстройством. Тогда можем ли мы считать аграрные и ренессансные общества состоящими сплошь из сумасшедших? Были ли сумасшедшими тысячи людей — ремесленников, торговцев, домохозяек, собиравшихся на площадях, чтобы посмотреть, как кого-то четвертуют или сжигают? Или причины жестокости власти и интереса населения к этой жестокости были все-таки культурными? Представляется, что такого рода жестокость имела ясные культурно детерминированные функции и преследовала осмысленные культурные цели. Нет сомнений в том, что люди, собиравшиеся поглядеть на публичную казнь, были абсолютно психически здоровыми и культурно адекватными своему времени. Они приходили на площадь, чтобы выразить свою поддержку власти, казнившей преступника или еретика, и чем более изуверской была казнь, тем большее удовлетворение получали зрители. Потому что именно жестокая казнь соответствовала их религиозным устремлениям, она была свидетельством правоты их верования, и присутствие на казни вовсе не было формой проведения досуга, а религиозным долгом.

В этой связи возникает и такой аспект проблемы. Известно, что в Варфоломеевскую ночь расправу над гугенотами творили в основном не профессиональные военные, а обычные мирные парижане. Судя по всему, власть собиралась ограничиться уничтожением лишь нескольких наиболее одиозных гугенотов, а массовый характер расправа получила тогда, когда за дело принялась неуправляемая толпа (Плешкова, 1994). Чем можно было вызвать такой воинственный ажиотаж лавочников, не получавших от этого никакого барыша? Только культурными основаниями. Только отстаиванием своей католической культурной идентичности в борьбе с чуждой гугенотской идентичностью. То же самое можно сказать и о любых национальных погромах. Во всех них культурная идентичность отстаивается с помощью топора.

А по какой причине произошла террористическая атака 11 сентября 2001 года в США? Террористы за деньги боролись? За изменение политического курса? Нет. Они проявляли культурную неприязнь к Америке. Отстаивали свою культурную идентичность на фоне западного культурного доминирования. И не более того. Было бы наивным искать какие-либо иные мотивы в действиях бен Ладена. С его точки зрения, Америка виновата тем, что не разделяет его культурные установки, и по этой причине должны умереть тысячи людей. Какие цели преследовали взрывы в московском метро и аэропорту Домодедово? Террористы отстаивали особую кавказскую идентичность в противовес общероссийской.

Не будем впадать в морализаторство. Мирные парижские лавочники с кольями ничуть не хуже воинственных провансальских дворян со шпагами. И те и другие отстаивали свою культурную идентичность с оружием в руках. Важно здесь понять то, что именно отстаивание культурной идентичности является одним из наиболее значимых оснований для насилия, причем массового насилия. Я не знаю, достаточно ли одних политических причин для того, чтобы началась новая мировая война с применением ядерного оружия. Надеюсь, что не достаточно. Но я убежден, что отстаивание собственной культурной идентичности — го-

раздо более веская причина для начала такой войны. И не только для мусульманских фанатиков, но и для либеральных христиан и прагматичных конфуцианцев. Если человечеству и суждена новая общепланетарная война, то, я думаю, что, вероятнее всего, по причинам культурного конфликта. Собственно, об этом и писал С. Хантингтон (Хантингтон, 2003).

Но анализ состава тех, кто чаще других прибегает к насилию для отстаивания собственной идентичности, выявляет и определенный социальный аспект в этой проблеме. Судя по всему, именно такой способ культурного самоутверждения в наибольшей мере свойственен активным представителям традиционных культур. Сегодня это выглядит следующим образом.

В индустриально и постиндустриально развитых странах традиционная народная культура как особый социальный тип культуры заканчивает свое историческое существование, поскольку размывается его основная социальная база — крестьянская община. В Западной Европе и Северной Америке завершение многовекового доминирования традиционной культуры сельских производителей прошло сравнительно спокойно в процессе грандиозной урбанизации второй половины XIX — первой половины XX в., сведшей общинное крестьянское сословие практически к нулю и передавшей сельскохозяйственное производство в руки сравнительно небольшого числа индивидуальных предпринимателей — фермеров. С тем или иным успехом этот процесс проходит и в Восточной Европе. Пожалуй, только в высокогорных районах Пиренеев и Альп, Апеннин и Карпат традиционное общинное крестьянство еще в какой-то мере сохранилось. На Дальнем Востоке процесс вытеснения традиционной крестьянской культуры в зону «второстепенной социокультурной реальности», не имеющей серьезного влияния на ход общественной жизни, идет примерно в таком же режиме. В Индии все это еще только разворачивается, и по какому сценарию пойдет этот процесс, пока определять рано.

Наиболее сложная ситуация сложилась в исламском мире. Здесь размывание традиционалистской сельскохозяйственной среды

фактически не происходит. Но дело не только в этой среде. Помимо сотен миллионов мусульман «по происхождению», в ислам в последние десятилетия обращается все больше и больше людей из неисламской культурной среды. Но это особенные люди. Это по преимуществу социальные аутсайдеры, в силу тех или иных причин оставшиеся «на обочине» социального мейнстрима. Складывается впечатление, что сегодня ислам становится универсальным прибежищем любых социальных аутсайдеров, людей с пониженной социальной конкурентоспособностью (если судить по основной массе коренных европейцев и американцев, принимающих ислам в наше время). И эти люди сплачиваются и начинают бороться за свои особые права, выражающиеся в агрессивном неприятии того мира, в котором другие имеют успех, а они — нет. Во всем мире именно ислам сегодня является главным идеологическим основанием сопротивления традиционной культуре социальному развитию обществ по индустриальной модели — вплоть до военно-террористического.

Это вовсе не означает, что такое неприятие социального прогресса (в европейском просвещенческом понимании слова «прогресс») заложено в особенностях самого ислама или отличает исключительно ислам. Хорошо известны и иные случаи, в том числе и в христианской среде. Вспомним, как сто лет назад русское черносотенное движение являло собой, по сути, ранний аналог «Аль-Каиды» и реализовывало фактически ту же самую программу: сопротивление традиционной этнически ориентированной среды процессам капитализации, которые в России того времени наиболее ярко воплощались в активной предпринимательской деятельности еврейского населения. Завтра эту роль может принять на себя еще какое-нибудь традиционалистское движение. Сегодня дагестанские девушки «балуются» в московском метро, а завтра, к примеру, кубанские казачки отправятся с той же целью на рынки Тегерана. Эта социальная среда в принципе одна и та же. Но сегодня агрессивен именно ислам.

Из установления этого факта вытекает один тревожный вывод. Можно исламские

или иные экстремистские движения как-то локализовать военно-политическими методами, но, как представляется, культурно их победить нельзя. Выход видится только в одном. Только в размывании социальной базы их воспроизводства, т. е. в активной урбанизации и капитализации среды обитания соответствующего населения.

В этой связи возникает и еще один вопрос. Исследователями часто отмечается, что в условиях перехода от индустриального к постиндустриальному обществу и определенной деградации культуры национального типа, которая была наиболее характерной для индустриальной стадии развития, во всем мире наблюдается «ренессанс» культуры этнического типа (см., напр.: Нейчман, 2002; Дресслер-Холохан, 1995 и др.). Как следует понимать это? Прежде всего, нужно отметить, что явление этого «ренессанса» наблюдается не по всему миру, а лишь там, где еще осталась значимая прослойка носителей традиционной культуры (характерно, что в Европе это в основном горцы — жители районов, где по ландшафтным условиям современное механизированное сельское хозяйство невозможно, — баски и корсиканцы, шотландцы и карпатские русины или опять-таки мусульмане — боснийцы, косовары, северокавказские народности). И еще. Вспомним советскую установку 1930-х годов, провозглашавшую обострение классовой борьбы по мере построения социализма⁴. Не берусь судить о классовой борьбе, но уже становится ясным, что по мере построения индустриального общества и перехода к постиндустриальному усиливается ожесточенность сопротивления традиционной культуры, принимающего все более варварские террористические формы.

Все сказанное выше не следует воспринимать как какое-то обобщающее осуждение традиционной народной культуры или как попытку выставить ее «культурой второго сорта», в обязательном порядке ведущей к насилию. Нынешнее насилие вызвано внешними обстоятельствами, в которые попала традиционная культура и в которых ее ценности отменяются как социально неактуальные. Нужно понимать, что этот социальный тип культуры

изначально формировался как культура локальной крестьянской общины, в среде людей, социальная активность которых носила преимущественно коллективный характер, и столь же коллективными были и культурные манифестации членов этой общности. На исторической стадии поздней первобытности — времени сложения традиционной крестьянской культуры — социальной потребности в творчески активной и высоко индивидуализированной личности просто еще не было, и этой культурой такая личность и порядок ее существования в окружении других людей просто не предусматривались (см.: Костина, 2009).

Но время шло, и бремя социальной активности начало носить все более и более индивидуально-личностный характер. В рамках этой тенденции представители традиционной культуры с ее специфичными нормами коллективистского сознания уже не могли эффективно конкурировать с индустриализированными горожанами. На исходе индустриальной эпохи в течение XX в. в промышленно развитых странах общинное крестьянство как социальная группа сельских производителей начало исчезать.

Но ведь люди с социокультурным сознанием крестьянского типа, не очень конкурентоспособные в новых социальных условиях, остались. И живут они ныне не столько в деревнях, сколько в городах. И здесь традиционная культура постепенно стала наиболее естественным для них психологическим прибежищем, может быть, наиболее значимой компенсаторной альтернативой неорганичной для них городской жизни. Вместе с тем в ситуации абсолютного доминирования специализированной культуры представители традиционной культуры стали все больше и больше обделяться социальными благами, оттесняться с площадки социальной востребованности людьми с большей конкурентоспособностью, с лучшим образованием, с более высокими природными способностями, с большей психологической мобильностью.

И произошел взрыв. Конец XX и начало XXI в. стали «эпохой восстания традиционалистов», особенно, когда индустриальная культура стала вторгаться на их территорию

к востоку от Европы. 11 сентября 2001 г. — это абсолютно «культурное» по своим причинам событие. Это акт борьбы за сакральную неприкосновенность традиционной культуры, как и недавние взрывы в московском метро. Наверное, долго это не продлится, и «восстание» будет подавлено или по крайней мере радикально ограничено по зонам распространения, но крови при этом может пролиться очень много. С. Хантингтон сводил это к конфликту между христианской и исламской цивилизациями как региональными общностями (Хантингтон, 2003), но на самом деле речь идет не о региональном конфликте, а о конфликте между разными социальными типами культур — индустриальном (переходящем в постиндустриальный) и традиционном.

Резюмируя, могу сказать, что нет более взрывоопасного вещества, более эффективной мотивации к насилию, чем культура. Причем мотивации именно к массовому насилию, когда убивают не персонально виноватых, а всех подряд; ситуации, когда за оружие берутся и мирные лавочники; зрелища, удовлетворяющего инстинкты толпы, когда весь город идет смотреть на чью-то казнь. Ни по какой иной причине не убивают так. Только когда речь заходит о расправе с «другими», с культурно чужими.

Никогда не стоит забывать о том, что культура содержит в себе многие потенции с примерно равной вероятностью их реализации. Она может быть основанием как выдающихся творческих актов, так и чудовищных преступлений против человечности. Под ее воздействием можно писать симфонии для «своих» и открывать концлагеря для «чужих». Об этом втором профиле культуры мы часто забываем, просто не хотим вспоминать. Нам не хочется помнить о том, что Дахау и Освенцим были учреждениями по «культурной санации».

Поэтому, если быть последовательными, то ограничивать нужно не ядерное оружие, а параметры допустимых проявлений культурной идентичности. Строго следить за той самой «духовностью», о которой мы так любим говорить. Ибо оружие — это только техническое средство, а причина его применения — в культурной «духовности»...

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Известно, что ранее (до Энгельса) таким определением свободы пользовались Б. Спиноза и Г. В. Ф. Гегель.

² Справедливости ради следует отметить, что очень важной причиной бесчеловечного отношения к индейцам была не изощренная жестокость испанских и португальских конкистадоров или католической инквизиции, а ритуальный каннибализм, распространенный среди индейцев Центральной и Южной Америки, в связи с чем конкистадоры-христиане даже не рассматривали индейцев в качестве людей, а приравнивали их к диким животным, только имеющим человеческий облик (см.: Каневский, 1998).

³ На самом деле устройства, подобные гильотине, применялись и раньше в Шотландии и Ирландии. Гильотен только предложил сделать гильотину типовым орудием «революционной казни» (см.: Кестлер, Камю, 2003).

⁴ «По мере нашего продвижения вперед, к социализму, сопротивление капиталистических элементов будет возрастать, классовая борьба будет обостряться» (Сталин, 1949, Т. 11: 171).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Дресслер-Холохан, В. (1995) Национальные движения, интернационализация протеста, идеология и утопия // Этничность. Национальные движения. Социальная практика. СПб. : Петрополис. С. 26–60.

Жирар, Р. (2000) Насилие и священное. М. : Новое литературное обозрение.

Каневский, Л. (1998) Каннибализм. М. : Крон-Пресс.

Кестлер, А., Камю, А. (2003) Размышления о смертной казни. М. : Праксис.

Костина, А. В. (2009) Национальная культура — этническая культура — массовая культура. «Баланс интересов» в современном обществе. М. : УРСС.

Нейчман, Б. (2002) «Четвертый мир»: нации против государств // Глобализация : контуры XXI в. : в 3 ч. М. : ИНИОН РАН. Ч. 3.

Плешкова, С. Л. (1994) Екатерина Медичи, черная королева. М. : Изд-во МГУ.

Ренан, Э. Ж. (1991) Жизнь Иисуса. М. : Политиздат.

Сталин, И. В. (1949) Об индустриализации и хлебной проблеме: Речь на пленуме ЦК ВКП (б) 9 июля 1928 г. // Соч. Т. 11. С. 157–187.

Хантингтон, С. (2003) Столкновение цивилизаций. М. : АСТ.

THE CULTURAL FOUNDATIONS OF VIOLENCE

A. Ia. Flier

(Moscow University for the Humanities)

The article considers the issue of cultural reasons of mass violence in history and of contemporary terrorism.

Keywords: violence, mass violence, identity, xenophobia, terrorism.

BIBLIOGRAPHY (TRANSLITERATION)

Dressler-Kholokhan, V. (1995) Natsional'nye dvizheniia, internatsionalizatsiia protesta, ideologiia i utopiia // *Etnichnost'. Natsional'nye dvizheniia. Sotsial'naia praktika*. SPb. : Petropolis. S. 26–60.

Zhirar, R. (2000) *Nasilie i sviashchennoe*. M. : Novoe literaturnoe obozrenie.

Kanevskii, L. (1998) *Kannibalizm*. M. : Kron-Press.

Kestler, A., Kamiu, A. (2003) *Razmyshleniia o smertnoi kazni*. M. : Praktis.

Kostina, A. V. (2009) *Natsional'naia kul'tura — etnicheskaia kul'tura — massovaia kul'tura. «Balans interesov» v sovremennom obshchestve*. M. : URSS.

Neichman, B. (2002) «Chetvertyi mir»: natsii protiv gosudarstv // *Globalizatsiia : kontury XXI v. : v 3 ch.* M. : INION RAN. Ch. 3.

Pleshkova, S. L. (1994) *Ekaterina Medichi, chernaia koroleva*. M. : Izd-vo MGU.

Renan, E. Zh. (1991) *Zhizn' Iisusa*. M. : Politizdat.

Stalin, I. V. (1949) *Ob industrializatsii i khlebnoi probleme: Rech' na plenum TsK VKP (b) 9 iuliia 1928 g.* // *Soch.* T. 11. S. 157–187.

Khantington, S. (2003) *Stolknovenie tsivilizatsii*. M. : AST.